

Марк Соколянский

ЗАГАДКА ОДНОЙ НЕТОЧНОЙ РИФМЫ

(о стихотворении Э.Багрицкого «Одесса [,Клыкастый месяц вылез на востоке...‘]»)

Стихотворение это достаточно популярно. Оно нередко цитируется и в работах о поэзии Эдуарда Багрицкого, и тогда, когда речь заходит о пушкинской теме в русской поэзии XX века, и в многочисленных публикациях авторов, интересующихся историей Одессы и специализирующихся в области литературного краеведения. В самые авторитетные издания вошло оно в таком виде:

Клыкастый месяц вылез на востоке,

Над соснами и костяками скал...

Здесь он стоял...

Здесь рвался плащ широкий,

Здесь Байрона он нараспев читал...

Здесь в дымном

Голубином оперенье

И ночь и море

Стлались перед ним...

Как летний дождь,

Приходит вдохновенье,

Пройдёт над морем

И уйдёт, как дым...

Как летний дождь,

Приходит вдохновенье,

Осыплет сердце

И в глазах сверкнёт...

Волна и ночь в торжественном движенье

Слагают ямб...

И этот ямб поёт...
И с той поры,
Кто бродит берегами
Средь низких лодок
И пустых песков, -
Тот слышит кровью, сердцем и глазами
Раскат и россыпь пушкинских стихов.
И в каждую скалу
Проникло слово,
И плещет слово
Меж плотин и дамб,
Волна отхлынет
И нахлынет снова,-
И в этом беге закипает ямб...
И мне, мечтателю,
Доныне любви:
Тяжёлых волн рифмованный поход,
И негритянские сухие губы,
И скулы, выдвинутые вперёд...
Тебя среди воинственного гула
Я проносил
В тревоге и боях,
«Твоя, твоя!» - мне пела Мариула
Перед костром
В покинутых шатрах...
Я снова жду:
Заговорит трубою
Моя страна,
Лежащая в степях;
И часовой, одетый в голубое,

Укроется в днестровских камышах...
Становища раскинуты заранее,
В дубовых рощах
Голоса ясней.
Отверженные,
Нищие,
Цыгане –
Мы поднимаем на поход коней...
О, этот зной!
Как изнывает тело, -
Над Бессарабией звенит жара...
Поэт походного политотдела,
Ты с нами отдыхаешь у костра...
Довольно бреда...
Только волны тают,
Москва шумит,
Походов нет как нет...
Но я благоговейно подымаю
Уроненный тобою пистолет...¹

По сведениям, сообщённым В.Нарбутом, самая первая публикация стихотворения не установлена.² Создание стихотворения в самой первой его редакции датируется 1923 годом, когда исполнилось сто лет со времени прибытия ссыльного Пушкина в Одессу. Вторая редакция с существенными изменениями текста увидела свет в 1929 году в первой книжке журнала «Октябрь». К стотридцатой годовщине со дня рождения Пушкина, в том же 1929 году стихотворение было опубликовано в газете «Известия

1 Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. («Библиотека поэта». Большая серия). 2-е изд. – М.-Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 295-296; Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. – М.: Правда, 1984. – С. 99-100.

2 См. примечания ко второму из указанных выше изданий (с. 419).

Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета», а также в еженедельном журнале «Красная нива» (№ 21), где автор возвратился в нескольких местах к первоначальному варианту.³ Можно сказать, что история читательского и литературно-критического восприятия этого произведения начинается именно в 1929 году.⁴ Не во все прижизненные издания стихов поэта стихотворение вошло. Не было оно включено и в однотомник, составленный Корнелием Зелинским и вышедший в год смерти Багрицкого.⁵

Обращают на себя внимание текстуральные изменения в публикациях стихотворения, осуществлённых в разные годы. Например, в первой редакции начало было таким:

«Горящий месяц светит на востоке

Над горечью деревьев, звёзд и скал...»⁶

Заметим, что как раз эти, первые строки перерабатывались поэтом несколько раз. Всеволод Азаров так объяснял самую первую правку: «...Багрицкий был приверженцем реализма в поэзии, его не могли удовлетворить такие образы, как «горящий месяц», «горечь звёзд». Он преобразил эти строки:

«Горячий месяц тлеет на востоке

Над одиночеством пустынных скал...»⁷

3 См. раздел «Варианты» в томе большой серии «Библиотеки поэта» (с. 509).

4 Так, в статье известного тогда критика А.Лежнева о поэзии Багрицкого, написанной в 1928 г., это стихотворение даже не упоминается. См.: А.Лежнев. Литературные будни. – М.: «Федерация», 1929. В сокращённом виде та же статья критика публиковалась в журнале «Революция и культура»(1928, № 10).

5 Эдуард Багрицкий. 1887-1934. Однотомник. – М.: Сов. литература, 1934.

6 Удивительно, что именно этот вариант цитирует И.Рождественская в своей книге о Багрицком, вышедшей в 1967 г. И сопровождает цитацию даже не комментарием, а упрощённым прозаическим пересказом: «В стихотворении Багрицкого «Горящий месяц светит на востоке...» мы видим Пушкина в момент работы: летней ночью на берегу Чёрного моря, вспоминая Байрона, он слагает стихи...» (И.Рождественская. Поэзия Эдуарда Багрицкого. – Л.: Худож. Лит., 1967. – С. 109-110).

Как бы ни относиться к предложенному Азаровым объяснению внесённых исправлений, нельзя не признать, что в его статье уверенно констатируется сам факт явной неудовлетворённости поэта ранним вариантом своего произведения.

И только в 1929 году появляется новая редакция текста, избавленная от избитых образов и приобретающая выразительное аллитеративное звучание:

«Клыкастый месяц вылез на востоке

Над соснами и костяками скал...»

Впрочем, этим исправлением переработка не ограничилась. Так, в первой редакции после слов «И скулы, выдвинутые вперёд» шла ещё и такая строфа:

«И на бульваре,

У скамьи железной,

Мне кажется,

Ты смотришь сквозь туман,

Как из Италии, тебе любезной,

Плывёт судов крылатый караван...»⁸

В последней редакции эта строфа уже отсутствует. В строке «Перед огнём в покинутых шатрах» слово «огнём» было заменено на более подходящее и по смыслу и по звучанию – «костром». Были удалены и стихи: «А за спиною – город торопливый...» и «Умчались романтические бредни...». Исчезла также представляющаяся совершенно случайной

7 Вс. Азаров. Пушкинская тема в творчестве Э.Багрицкого // Литературный современник. – Ленинград, 1937, № 1. – С. 169-170.

8 Упоминание о «скамье железной» связано с городскими реалиями. Как сообщил автору статьи авторитетный писатель-краевед Ростислав Александров, в старое время на Приморском бульваре Одессы между памятниками Пушкину и герцогу де Ришелье (Дюку) стояли ажурные чугунные скамейки.

усечённая строка: «Струится Днестр...», - которая предназначалась как предварение последней строфы:

«Струится Днестр...
Я не снесу трагического груза,
Чернила высохли,
И рифмы нет.
Прости меня, классическая муза, -
Я опоздал на девяносто лет».⁹

В следующем варианте заключительные строки были изменены:

«...Поддай же мне, классическая муза,
Уроненный когда-то пистолет».

Сравнивая этот вариант конечной строфы с более поздней редакцией, легко заметить, насколько целесообразны были внесённые поэтом в дальнейшем исправления.

Последняя редакция несёт на себе следы основательной работы Багрицкого над текстом и, безусловно, превосходит ранние варианты как в смысловой точности, так и по образности и по эвфонии. Удалены тривиальные образы («трагический груз», «высохшие чернила», «классическая муза»). В первых двух стихах последней строфы стала ощутимой связь с предыдущими строфами, в последнем стихе есть прямое обращение к Пушкину – обращение вполне резонное, поскольку обсуждаемое стихотворение, несмотря на его название, является в большей мере произведением о

9 Именно такой вариант появился в первом томе составленного Иосифом Уткиным двухтомника Багрицкого, изданном через четыре года после смерти поэта. (Э.Багрицкий. Собр. соч. В 2-х томах / Под ред. И.Уткина. Т. 1. – М.-Л.: Гослитиздат, 1938. – С. 665-666).

Пушкине, нежели о городе. К тому же во всей строфе появилась выразительная аллитеративность взрывных веллярных звуков.

При всём при том, несмотря на многие внесённые изменения, сохранилась в окончательной редакции текста строфа, способная возбудить вопросы и сомнения:

«Я снова жду:

Заговорит трубою

Моя страна,

Лежащая в степях;

И часовой, одетый в голубое,

Укроется в днестровских камышах...»

Прежде всего поражает своей *приблизительностью* рифма «степях / камышах». Тем более, если иметь в виду обострённый поэтический слух Эдуарда Багрицкого и его тяготение к **точной** акустической рифме. Разумеется, речь идёт не о простейшем совпадении концевых повторов или фонетически точных созвучий. Багрицкий и в пятистопном ямбе, которым написано обсуждаемое стихотворение, мог отдать предпочтение белому стиху, как, например, в некоторых своих стихотворениях так называемого «уленшпигелевского цикла». В заданном контексте имеется в виду рифмованная поэзия, причём значение рифмы для текста подчёркнуто даже присутствием самого этого слова и производных от него в разных строфах («рифмованный поход», а ещё в ранней редакции – «рифмы нет»).

Попытка связать мужской рифмой мягкую согласную («степях») с твёрдой («камышах») не сделала бы чести и начинающему стихотворцу. Можно сослаться на авторитет Б.В.Томашевского, который не допускал никаких исключений из

сформулированного им правила: «...Не рифмуются твёрдые и мягкие согласные...»¹⁰. А уж мягкое смычное «п» и твёрдое фрикативное «ш» абсолютно не созвучны в русском языке, который, по точному замечанию О.Мандельштама, «насыщен согласными», и для которого «пониженное языковое сознание – отмирание чувства согласной».¹¹ В случае Багрицкого с его тяготением к классической рифме говорить о таком «отмирании» нет никаких оснований. Неожиданно корявая рифма вызывает немало вопросов, связанных не только со звуковой организацией, но и с семантикой загадочных строк.

Соотношение между звуковой оболочкой и семантикой в поэтическом языке не всегда бывает заметно с первого взгляда, однако же в талантливом стихотворном произведении всегда наличествует. «...Связь между означающим и означаемым, существующая на всех уровнях языка, - писал Роман Якобсон, - приобретает особенное значение в стихотворном тексте, где интровертивный характер поэтической функции достигает своего апогея...»¹². И как будто в унисон с видными филологами-теоретиками, выдающийся поэт второй половины XX века Давид Самойлов в своей книге о русской рифме, исходя не в последнюю очередь из личного творческого опыта, утверждает: «...Рифма является тем элементом стиха, где смысл и звук неминуемо и обязательно сходятся и пребывают в единстве...»¹³. Багрицкий, сочетавший, по воспоминаниям близко знавшего его К.Г.Паустовского, «самозабвенную любовь к поэзии» с «огромной поэтической эрудицией»¹⁴, несомненно, это чувствовал.

10 Б.Томашевский. Стилистика и стихосложение. – Л.: Учпедгиз, 1959. – С. 412.

11 О.Мандельштам. Слово и культура. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 69.

12 Роман Якобсон. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 87.

13 Давид Самойлов. Книга о русской рифме. – М.: Время, 2005. – С. 7.

14 К. Паустовский. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 348. О «высокой поэтической культуре» Багрицкого писал также большой знаток русской поэзии и тонкий критик Д.Святополк-Мирский (См.: Д.П. Святополк-Мирский. Поэты и Россия. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2002.- С. 134).

Неточность рифмы побуждает внимательнее отнестись к содержательному наполнению всей строфы и отдельных её строк. «Моя страна, лежащая в степях...». Речь идёт, разумеется, о Советском Союзе. Но в каких же там «степях» он располагался? Так ли уж велика была степная зона в стране, о которой пишет поэт? У Багрицкого в стихах, написанных в тот же период, что и «Одесса», его страна ассоциируется часто с совсем иными ландшафтно-климатическими зонами. Например, в стихотворении «СССР» (1924 г.) говорится о стране: «Она в лесах, дорогах и туманах, / В болотах, где качается заря...». А в стихотворении «Смерть» (1924 г.) трижды (!) повторяются строки: «Страна в снегах, страна по всем дорогам / Исхожена морозом и ветрами».

Словом, что-то здесь не стыкуется по смыслу. Если бы на месте вызывающей вопросы строки было, допустим, более резкое выражение (поэтика Багрицкого не исключала резких выражений) типа: «Моя страна, погрязшая во вшах,...», - то сомнений в аутентичности авторского текста могло бы быть меньше. Выбор не слишком «изысканной» лексики даже в достаточно произвольных предположениях не должен, думается, вызывать решительных протестов. Такую лексику в поэзии Эдуарда Багрицкого можно встретить. К примеру, в стихотворении 1924 года «О Пушкине» (снова о Пушкине! – М.С.) есть известные, часто цитируемые строки: «...Я с Пушкиным шатался по окопам, / Покрытый вшами, голоден и бос...». А в более позднем стихотворении «Происхождение» (1930 г.) встречаем такой образ: «съеденные вшами косы».

Раздумья вызывают и следующие строки: «И часовой, одетый в голубое, / Укроется в днестровских камышах...». Кстати, Днестр вспоминается и в первой редакции рассматриваемого стихотворения: «Струится Днестр...». Название этой реки находим в первой строке стихотворения «АМССР»¹⁵ (1924 г.), а в другом месте того же текста есть

15 АМССР (аббр.) – Автономная Молдавская Советская Социалистическая республика.

такая строка: «Внимателен сторожевой румын...». В предпоследней строфе *канонического* текста рассматриваемого произведения упомянута Бессарабия. Если быть географически точными, следует признать, что «в днестровских камышах» мог укрываться именно румынский часовой. Известно, что в румынской армии того времени воинская форма шилась из шерсти серого, зелёного или синего (!) цвета. Так что поэт не очень-то погрешил против цветовых обозначений. Да и «камышы» в этой строфе выглядят уместнее, чем «степи», и не вызывают особых сомнений.

Стих «Укроется в днестровских камышах» завершается многоточием. Вообще останавливает внимание непривычное обилие многоточий не только в ранней редакции текста, но и в том окончательном варианте, который публикуется поныне в наиболее авторитетных изданиях произведений Багрицкого. Многоточиями заканчиваются строки: вторая, третья, пятая, девятая, тринадцатая, семнадцатая, девятнадцатая, двадцатая, тридцать третья, тридцать восьмая, сорок четвёртая, пятидесятая, пятьдесят седьмая, шестидесятая, шестьдесят вторая, шестьдесят третья, шестьдесят шестая и шестьдесят восьмая (последняя). Вероятно, некоторые из этих многоточий несут определённую смысловую нагрузку да к тому же вписываются в синтаксический рисунок поэтической речи цитируемого произведения, однако кое-какие из них скорее производят впечатление некоторой недосказанности или даже вынужденного умолчания.

Все эти предположения и сомнения наводят на мысль о том, что стихотворный текст мог уже в ходе первых публикаций претерпеть значительную цензурную правку. Была ли то автоцензура или причиной явились жёсткие указания официальных цензоров, не так уж и важно: автоцензура была (да и остаётся), как правило, явлением производным от чрезмерной бдительности *начальственной* цензуры.

Следы цензурной правки ранее были установлены литературоведами и критиками в других стихах Эдуарда Багрицкого. Так, Бенедикт Сарнов опубликовал и кратко прокомментировал подлинный текст «Стихов о поэте и романтике», при публикации которого существенной правке подверглись строки, в которых вспоминается расстрел Николая Гумилёва.¹⁶ Доцензурный текст стихотворения «Одесса (Клыкастый месяц вылез на востоке)» пока ещё не был обнаружен в процессе архивных поисков, а лишь такой материал способен послужить достаточно надёжным источником и основанием для серьёзных текстологических заключений. Изложенные выше сомнения и предположения можно расценивать как вопросы, обращённые к будущим исследователям.

16 Б.Сарнов. Перестаньте удивляться. Невыдуманные истории // Октябрь, 1997, № 3. – С. 98-129.